

Рассмотрена деятельность представителей Трудовой народно-социалистической партии в институтах государственной власти России весной-осенью 1917 г., прежде всего – во Временном правительстве. Охарактеризованы основные направления работы народных социалистов в составе министерств продовольствия и юстиции. Освещено отношение членов ТНСП к революционным изменениям в стране, взаимодействие с коллегами – единомышленниками и соперниками; обращается внимание на некоторые аспекты межличностных взаимоотношений участников революционных событий 1917 г., ранее остававшиеся в тени. Дана общая характеристика начинаний народных социалистов на ключевых государственных постах, выявлены причины их успехов и неудач в контексте социально-экономической и политической обстановки того времени. Показано, что с профессиональной точки зрения деятельность представителей ТНСП в исполнительной власти заслуживает в основном положительной оценки, так как характеризовалась энергией, ответственностью, компетентностью и самоотдачей.

Ключевые слова: Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП); Временное правительство; министерство продовольствия; министерство юстиции; революция.

Ольга Львовна Протасова, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
olia.protasowa2011@yandex.ru

Ирина Геннадьевна Пирожкова, канд. ист. наук, канд. юрид. наук,
доцент, кафедра «Конституционное и административное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
0_1_23456789@list.ru

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ ВО ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (1917 г.)*

Введение. *Актуальность исследования.* Период марта-октября 1917 г. – один из немногих этапов тысячелетней истории Российского государства, что были ознаменованы интенсивным развитием демократических институтов, оживлением гражданской инициативы, наполнены ожиданиями скорого прихода общества свободы и социальной справедливости. Этот общественный оптимизм был в большой степени связан с тем, что в результате Февральской революции у руля новой, республиканской России встали представители демократических – либеральных и социалистических – партий, чья деятельность ранее считалась оппозиционной либо во-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

все находилась под запретом. Эти партии ассоциировались с надеждами на социально-экономический и политический прогресс, разрушение старого строя, преодоление многовековой обидной отсталости России от Европы. Их идейный багаж, далеко не всё из которого утратило свою значимость и сегодня, а также смелость, самоотверженность в деле государственного строительства, умение либо в нужных случаях находить компромиссы, либо отстаивать независимую позицию могут послужить примером нынешним политикам и управленцам, особенно в кризисных ситуациях. Не менее полезным является анализ ошибок активистов демократических партий, отчасти совершенных ими по собственной вине, отчасти вызванных неблагоприятной объективной ситуацией. Поэтому «революционная» тема никогда не лишается своих профессиональных исследователей и имеет стабильный интерес для любителей истории.

Новизна данного исследования состоит в том, что комплексный вклад представителей партии народных социалистов в проведение текущей политики главным органом исполнительной власти революционной России – Временным правительством – рассматривается впервые. Кроме того, освещаются некоторые аспекты межличностных взаимоотношений участников революционных событий 1917 г., ранее остававшиеся в тени.

Цель исследования – выявление роли и места представителей Трудовой народно-социалистической партии в работе Временного правительства, анализ основных направлений их деятельности, оценка результатов.

Методы: компаративный, исторической персонификации, анализ, синтез.

Обсуждение и результаты. Народные социалисты, в обиходе энесы, ТНСП (Трудовая народно-социалистическая партия, 1906 – 1918) – политическая партия неонароднического направления. Она стояла на позициях эволюционного социализма. Ее представителей иногда называют «либеральными народниками» (термин, признаваемый не всеми историками, но, на наш взгляд, вполне имеющий право на применение относительно энесов, поскольку отражает и характер предпочитаемых ими методов политической борьбы, и близость по ряду вопросов к либералам). Народные социалисты официально отвергали террор, считая этот метод борьбы с несовершенствами государственной системы недопустимым морально и неэффективным политически, признавали только открытые действия на политической арене, отводили большую роль государству как полезному и необходимому институту, ставили своей целью построение социализма, движение к которому планировали размеренное и поступательное. Эта партия, несмотря на небольшую численность (от 1,5 – 2 тыс. в 1906–1907 гг. до 10–11 тыс. в 1917 г.) [8, с. 442], сыграла заметную роль в развитии событий обеих революций, дала стране ряд известных имен общественных и государственных деятелей, публицистов, ученых и т.п. Промежуточное положение между революционными социалистами и либералами давало ей, с одной стороны, известное преимущество: независимость в принятии решений о возможных вариантах коалиционного сотрудничества, свободу от чрезмерного увлечения доктринерством и от обязательств перед союзниками из либерального либо социалистического лагеря и т.п. С другой, такой «пограничный» статус ТНСП в ситуациях,

требующих четкого идеологического самоопределения, вызывал обвинения в несамостоятельности, половинчатости – как правило, несправедливые. Усиленные уничижительными отзывами о народных социалистах В. И. Ленина, эти клише предопределили незавидную историографическую судьбу партии в советские годы. В настоящее время, к счастью, народно-социалистическая партия удостоилась от исследователей должного внимания и объективных оценок.

В 1908 – 1916 гг. легальная деятельность партии была невозможна, но Февральская революция дала ей возможность обнародовать свои идеологические расчеты и попытаться претворить их на практике. Давний авторитет лидеров ТНСП как общественных и политических деятелей, профессионалов своего дела открыл им путь к высшим постам исполнительной власти – министерским портфелям и должностям товарищей министров Временного революционного правительства.

Алексей Васильевич Пешехонов (1867 – 1933) – основатель и лидер народно-социалистической партии, экономист-аграрник и публицист журнала «Русское богатство» – был давно и хорошо известен в интеллектуальных кругах и политическом бомонде. Из всех народных социалистов, занимавших государственные посты в период от февраля к октябрю 1917 г., он был самым знаменитым не только потому, что его общественная деятельность в столице была на слуху около двух десятков лет, но и благодаря его обширным знакомствам в самых разных средах – политической, писательской, научной, народной. Пешехонов имел славу страстного полемиста и смелого человека, обладавшего к тому же исключительной честностью, прямоотой и вообще цельностью натуры. Знали его и в полиции, о чем убедительно свидетельствуют многократные аресты, начиная с 1894 года, заключение в Двинской крепости в 1912–1913 гг., обширное досье в Департаменте полиции.

У Февральской революции не было организаторов и вдохновителей, и всякие претензии на политическое либо идейное руководство ею современной наукой отвергнуты как беспочвенные. Но в число ее самых активных деятелей справедливо включить А. В. Пешехонова. В первый же революционный вечер он был в Таврическом дворце – эпицентре событий, и его удивили царившие там тишина и безлюдье. Временный комитет Государственной Думы выносил на повестку дня своих комиссий незначительные вопросы, однако самый неотложный – об организации власти на местах – стоял на втором плане. В этом случае Совет рабочих депутатов проявил себя более дальновидным и распорядительным, чем думцы: он создавал комиссариаты в разных районах Петрограда для управления и поддержания порядка. Пешехонову предложили стать комиссаром Петроградской стороны, и он сразу ответил согласием. Народник, по его собственным словам, ясно сознавал, что в случае подавления восстания его участие в Совете чревато жестким наказанием, однако нравственный императив гражданина не позволял ему уклониться от своего долга даже в случае смертельной опасности. Сознательно к власти он не стремился, но и не избегал ее, понимая, что революция резко расширит влияние и политические возможности социалистических партий.

Весь первый месяц революции Пешехонов был фактически главой исполнительной власти 300-тысячного района, и многое сделал на этом

посту, проявив недюжинные организаторские качества и волю: прекратил анархию и самоуправство толпы, предотвратил пагубную для общественного порядка деятельность самозванных организаций. Ему удалось сохранить единство власти (в тот период наверху уже наметилось двоевластие): он предложил созвать депутатов от рабочих, и этот Совет на Петроградской стороне стал совещательным органом при комиссариате. Авторитет Пешехонова был столь высок, что, когда вопрос о структуре местной власти был решен, наконец, на правительственном уровне и в районах стали производиться выборы в управы, он оказался первым кандидатом на пост головы района. Однако народный социалист взял самоотвод, видимо, подспудно ощущая, что в ближайшее время предстоит выполнение более сложных и ответственных задач общегосударственного масштаба, за которые и он сам, и его партия будут в состоянии взяться. Так и произошло.

Когда эйфория от победы над старым режимом начала спадать (а это произошло достаточно скоро), на первый план вновь стали выходить многочисленные трудности воюющей страны. Временное правительство не справлялось с бременем огромной ответственности, которая легла на него, не ощущая реальной поддержки снизу и будучи сковано уздой «непредрешенства», наложенной на него советскими партиями (еще 2 марта Совет связал Временное правительство запретом на окончательное решение главных государственных вопросов до Учредительного собрания). Всем партиям в новых условиях необходимо было самоопределиваться в отношении перспектив институтов власти, которые функционировали на тот момент. Представители народных социалистов с первых дней Февральской революции входили в состав Советов, которые, однако, считали институтом, подходящим для «форс-мажорных» обстоятельств переходной поры, но не пригодным для постоянного эффективного функционирования в нормальных социально-политических условиях [22, с. 327]. Правые народники доказывали, что для полноценной работы государственной машины необходимы не «экспериментальные», а «классические», испытанные формы управления.

Делали они это не только в публицистической форме, но и на вполне официальном уровне партийных резолюций. 23 – 25 марта 1917 г. в Москве состоялась конференция партии, на которой обсуждались самые насущные вопросы – организационного характера, об отношении к институтам, новой власти, о взаимоотношениях с прочими партиями. В прениях, возникших по этому вопросу, указывалось, что программа деятельности, намеченная и обнародованная Временным правительством, вполне заслуживает энергичной поддержки со стороны народно-социалистической партии [1, д. 4, л. 7]. Резолюция, внесенная Н. Н. Полянским, была поддержана участниками конференции, и Временное правительство было признано легитимным органом, осуществляющим государственную власть. Прочие властные институты, как то: Временный исполнительный комитет Государственной Думы, Совет рабочих и солдатских депутатов и намечаемый к образованию Совет крестьянских депутатов не имеют права брать на себя подобных полномочий, несмотря на соответствующие претензии. Конференция выразила опасение, что собравшись в Петрограде, Совет крестьянских депутатов, соединившись с Советом рабочих депута-

тов, может объявить себя конвентом или разноречивыми приказами дезорганизовать государственную и хозяйственную жизнь страны. Во избежание всяких таких возможностей, необходимо указать, говорили ораторы, что вся власть до созыва Учредительного собрания должна принадлежать одному только Временному правительству [1, д. 4, л. 7-7об.].

При этом энесы прилагали немало усилий, чтобы предотвратить столкновения Временного правительства и Советов, понимая, как это может ослабить революционную власть и общественный порядок. В. А. Мякотин считал, что, хотя роль Советов нельзя недооценивать, в их деятельности было немало ошибок. Так, петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов превратился, по его оценке, в крайне громоздкое учреждение, по своему многолюдству утратившее работоспособность и, главное, связь с теми массами, чьи депутаты в нем были представлены. А. А. Демьянов отмечал, что с момента, когда в состав Совета вошло большое количество представителей войск, его значение потерялось, что было естественно: в учреждении, чья численность более тысячи человек, продуктивная работа невозможна. По-настоящему действенной была исполнительная комиссия Совета [10, с. 55]. Народные социалисты тоже входили в Совет, однако из двух субъектов «двоевластия» оказывали большую поддержку Временному революционному правительству, именно в нем видя легитимный орган исполнительной власти, состоящий, при всех своих недостатках, из компетентных людей с управленческим опытом, правомочный брать на себя принятие решений общегосударственного масштаба, способный нести ответственность за осуществление революционных преобразований в стране и достаточно популярный у масс. Дезавуировать правительство, обессилить его, чем занимались Советы, по мнению Мякотина, высказывавшего позицию всей партии, означало обессилить и революцию [17, с. 7]. Действия правительства и министерств могут и должны подлежать контролю и конструктивной критике, которые «легче... и правильнее всего могут быть осуществлены путем свободного слова и свободной печати». Мякотин подчеркивал, что «ни одна группа, ни одна организация граждан не может... выступать сама в роли правительства или выдавать свое мнение за голос всей страны, обязательно требующий подчинения» [17, с. 8]. Так же и Петросовет, при всей своей многочисленности и представительности, не мог, по мнению энесовских экспертов, выступать от имени населения всей страны, поскольку «Петербург еще не Россия» [17, с. 9].

В отличие от меньшевиков или эсеров, у народных социалистов не было доктринальных противопоказаний вступать в так называемую «буржуазную власть» и сотрудничать с либералами, если бы появился случай послужить государству на таком высоком уровне ответственности. Заявленная партией поддержка Временного правительства и нерадикальная, разумная позиция в оценке революционных перспектив обратили внимание на ее представителей как оптимальных кандидатов от демократической среды. Кандидатура Пешехонова на один из министерских постов рассматривалась еще в дни Апрельского кризиса; тогда меньшевик И. Г. Церетели называл Г. Е. Львову Пешехонова как политическую фигуру, приемлемую и для Советов, и для несоциалистических элементов

в правительстве. Эсеры и Всероссийский крестьянский съезд хотели видеть Пешехонова министром внутренних дел, и членами Петроградского Совета идея эта была горячо поддержана, так как «Пешехонов был чрезвычайно одаренный, пользовавшийся всеобщим уважением народнический деятель» [27, с. 158]. Пешехонов наотрез отказался от этой должности, ссылаясь на отсутствие опыта и способностей к чисто административной работе. Это было отговоркой: подлинная причина несогласия видится в том, что народный социалист тяготел к посту министра земледелия, который позволил бы ему сообразно собственным представлениям о крестьянском благе направлять решение аграрного вопроса в стране.

Однако партия социалистов-революционеров, на тот момент крупнейшая и самая влиятельная из политических организаций, считавшаяся «крестьянской», резервировала место министра земледелия для своего лидера В. М. Чернова. Пешехонова хотели видеть его помощником; такая перспектива вызывала возмущение энесовского идеолога. Он считал аграрный вопрос знаковым для России, а принципиальное расхождение с эсерами по поводу проведения земельной политики до крайности затрудняло бы их конструктивное сотрудничество. К этому прибавлялись и непростые личные взаимоотношения Пешехонова и Чернова. Тем временем в правительстве было решено выделить из прежнего министерства земледелия и продовольствия специализированного министерства продовольствия и снабжения. По поводу состава коалиционного кабинета состоялись переговоры делегации Совета с членами Временного правительства, и вопрос о министре продовольствия оказался одним из острейших. Кадеты не желали отдавать социалисту ключевое экономическое ведомство. Однако кандидатура Пешехонова, чьи убеждения относительно прав и свобод личности, легальных методов борьбы в основном сходились с их собственными, по здравому размышлению удовлетворила либералов. Вот как комментировал это назначение лидер кадетов П. Н. Милюков: «А. В. Пешехонов, интеллигент, мой старый друг, человек с талантом, знаниями и темпераментом... мог только украсить место своим сотрудничеством» [16, с. 375]. В ночь на 5 мая вопрос был, наконец, решен, и Пешехонов принял министерство продовольствия. Правда, де-юре он возглавил министерство лишь 25 мая, а присягу принес 5 июня.

Принимая пост, Пешехонов предвидел и сознавал ожидавшие его трудности. Организация продовольственного дела в разоренной войной стране, внутреннее положение которой осложнялось социальными потрясениями и неизбежной ломкой аграрных отношений, упиралась в организацию снабжения населения и фронта. Ему предстояло, с одной стороны, вести регулирование экономики, став мишенью для всех предпринимателей, хлебных поставщиков и прочих людей делового мира, чьи интересы надо было обуздывать, с другой – вызывать неминуемое недовольство масс, требовавших более справедливого распределения товаров, вплоть до «все отобрать и поделить». В адрес Пешехонова и других министров-социалистов со всех концов России шли письма и телеграммы с выражением поддержки и пожеланием закрепить завоевания революции. Иначе отреагировал левый фланг «революционной демократии». При обсуждении 16 мая в Московском Совете вопроса об отношении к коалиционному

правительству фракция большевиков внесла резолюцию о том, что «вожди народников (Чернов, Пешехонов и пр.) и меньшевиков (Церетели, Скобелев и пр.) поставили себя вне рядов борющегося пролетариата» [5, с. 160–161].

21 мая на открытии продовольственного съезда в Москве Пешехонов выступил с основным докладом. Он оценил экономическое положение страны как крайне тяжелое и требующее чрезвычайных государственных мер, указал на необходимость введения твердых цен на хлеб и промышленные товары, целесообразность организации снабжения ими деревни посредством прямого государственного вмешательства. Новый министр обещал обуздать прибыли предпринимателей, но предупредил: терпеть лишения придется всем – горожанам и крестьянам, того требует спасение родины [19]. Большинство мыслей пешехоновского доклада нашло отражение в резолюциях съезда, и даже в более резких формулировках, не исключавших секвестра прибылей и доходов частных лиц и принудительного распределения продуктов и предметов первой необходимости [20].

5 июня Пешехонов докладывал на заседании Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о плане работ своего ведомства. Министр-социалист очертил перед съездом иллюзорность попыток улучшить положение рабочих путем повышения номинальной заработной платы, ибо это приведет к росту инфляции, затруднит товарообмен между городом и деревней, понизит жизненный уровень всего населения. Призывая все общество временно жертвовать некоторыми благами во имя грядущего благополучия, он понимал, что побудить к таким жертвам «капиталистов» будет гораздо проще, чем «трудовой класс» [26].

Речь очень понравилась большинству делегатов съезда. Даже Л. Д. Троцкий заявил, что «если бы Временное правительство состояло из двенадцати Пешехоновых, то большевики не вели бы с ним борьбы» [23, с. 110–111]. Основная часть делегатов согласилась, что новый министр продовольствия с деловой точки зрения выбран вполне удачно. Самым негативным откликом на речь Пешехонова была реакция В. И. Ленина, и прежде резко критиковавшего его как выразителя интересов деревенской верхушки – «крепкого хозяйчика». Пешехонова, как и всех министров-социалистов, вождь большевиков называл обманщиками народа, надававшими пустых и невыполнимых обещаний [13, с. 315–316].

В сложнейшей обстановке послефевральской России перспективы власти и нового правопорядка во многом определялись поведением самого Временного правительства, его способностью действовать энергично и решительно, внутренней спайкой кабинета. Увы, ни одного из этих условий в наличии не было. И прежде всего, ничего не делалось для скорейшего окончания войны, в которое упиралось решение всех социальных проблем. Либералы продолжали ждать, что социалисты с властью не справятся, и тогда она сама перейдет к более умеренным и трезвым политикам. Однако министры-социалисты, в их числе и А. В. Пешехонов, горячо взялись за дело. Для его ведомства это означало, прежде всего, наладить учетно-распределительный аппарат, жесткое регулирование экономики, установить контроль над ценами. Была введена монополия на мануфактуру. Все ткани поступали в распоряжение министерства и централизованно

распределялись среди населения. Эта мера должна была обеспечить крестьянству товары по нормированным ценам в обмен на хлеб. На местах заработали продовольственные комитеты – низовое звено министерства продовольствия.

В начале июля разразился новый правительственный кризис, спровоцированный давлением извне и изнутри кабинета. Извне это было нетерпение масс, все более подверженных воздействию большевистского популизма. Внутри правительства отношения так же накалялись. Премьер-министр Г. Е. Львов наотрез отказывался принять аграрный законопроект, представленный министром земледелия эсером В. М. Черновым. Пешехонов и Церетели убеждали премьера принять этот документ и уходить в отставку: они полагали, что князь Львов – единственная фигура, способная примирить министров. Но их старания оказались тщетными, и Г. Е. Львова на посту министра-председателя сменил эсер А. Ф. Керенский. Пешехонов сохранил пост министра продовольствия и в новом коалиционном правительстве.

Приближался новый цикл полевых работ, результат которых мог повлиять на политическое положение в стране не меньше, чем партии и их лидеры. Между тем запасов хлеба едва хватало до сентября. В помощь крестьянам при уборке урожая были привлечены безработные, труд и содержание которых оплачивались, а также воинские команды из тыловых гарнизонов. Хотя солдаты-тыловики волновались, требуя отправки непременно в свои родные деревни, в целом эта мера себя оправдала. Была еще одна проблема: с мест непрерывно шла информация о незаконных действиях крестьян: захватах хлебов, покосов, инвентаря, недопущении земледельческих машин, снятии с работ военнопленных и т.п. Некоторые продовольственные комитеты, вместо того чтобы разьяснять недопустимость подобных самочинных действий, даже выносили постановления и резолюции, поощрявшие безобразия. Пешехонов потребовал решительно пресекать такие действия, предупредив должностные лица, что в противном случае они будут не только уволены со службы, но и привлечены к суду.

Стержнем продовольственной политики Временного правительства была хлебная монополия – радикальная и жизненно необходимая в военных условиях мера, введенная еще 25 марта 1917 г. Ее реализация была сопряжена с множеством трудностей: распыленностью 19 млн крестьянских хозяйств, низким уровнем правового и гражданского сознания крестьян, острым недостатком организаторских кадров на местах, расстройством промышленности и транспорта, инфляцией. Нужна была твердая решимость самой власти довести дело до конца, но именно ее и не было. И сам инициатор закона о хлебной монополии А. И. Шингарев, по свидетельству В. Д. Набокова, «своему делу мало верил» [18, с. 52], в отличие от Пешехонова, который в хлебную монополию не просто верил, но был ее самым энергичным проводником. Монополия требовала полного отстранения частных торговцев от закупки хлеба. Сам Пешехонов понимал, что «попытка брать хлеб по старой системе, при помощи торгового аппарата, во время войны совершенно себя скомпрометировала» [7, с. 424]. По понятным причинам идея отстранить частный капитал от торговли хлебом натолкнулась на сопротивление министерства торговли и про-

мышленности, а также деловых кругов страны. Так, Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд, состоявшийся 3 – 5 августа в Москве, осудил хлебную монополию как «меру антигосударственную» и призвал правительство отказаться от своей продовольственной политики. Пресечь спекуляцию хлебом не удавалось, на складах у торговцев и спекулянтов скапливались огромные запасы хлеба и других продуктов, внося расстройство в планы государственных заготовок и нагнетая недовольство населения. В конце концов, министру пришлось отказаться от мысли полностью обойтись без частников.

20 июля на заседании ЦИК Советов Пешехонов обрисовал состояние продовольственного дела в стране. Главным затруднением он назвал расстройство транспорта, затем – сопротивление крестьян. Министр отметил, что если помещичий хлеб удастся получить без серьезного противодействия, то значительно труднее добыть хлеб у крестьян. Этому мешали и слабость местных органов, и невозможность в достаточном количестве обеспечить крестьян предметами первой необходимости в порядке товарообмена. Отнимать же хлеб у крестьян, ничего не давая им взамен, по его убеждению, было нельзя [24]. Попутно Пешехонов отметил нарастающую опасность черносотенной агитации (имея в виду не столько правых, сколько левых экстремистов), которая при крайне неуравновешенном психическом состоянии масс, их склонности поддаваться демагогическим посулам ведет к тому, что крестьяне, не давая хлеба, все больше обвиняют правительство в неумении организовать хозяйственную жизнь страны. Самочинные захваты помещичьих земель также мешали продовольственному делу – в некоторых губерниях для получения хлеба приходилось применять силу. Но Пешехонов отстаивал избранный правительством путь как единственно спасительный, с которого оно не свернет. Многозначуще было и другое заявление Пешехонова – о необходимости преодолеть разрозненность власти: «Я считаю, что нам нужна не только твердая власть, но и власть единая» [24]. Отвергая упреки в партийном характере деятельности своего министерства и всего правительства, он призывал искать согласия на общей платформе.

10 августа по инициативе Пешехонова было образовано управление для снабжения населения тканями: министр продолжал линию на централизованное распределение товаров первой необходимости. Были расширены и полномочия министра продовольствия: 24 августа правительство дало ему право приостанавливать или вовсе прекращать деятельность продорганов, если это необходимо «в целях соблюдения государственных интересов» [7, с. 428–429].

Но Пешехонову так и не пришлось воспользоваться новыми полномочиями. Атаки на хлебную монополию со стороны военно-промышленных кругов все усиливались. Приказом Пешехонова от 3 августа была создана комиссия для обследования продовольственного дела в столице [2, д. 21, л. 99]. В ее состав были включены представители министерства продовольствия, городского самоуправления, Исполкома Петроградского Совета, Центрального бюро профсоюзов, деловых кругов Петрограда и даже штаба Петроградского военного округа. Работа комиссии освещалась в прессе, отражалась в «Бюллетене министерства продовольствия» и при-

влекала общественное внимание, так как все помнили, что Февральская революция в Петрограде началась с хлебных очередей. Хотя в деятельности Петроградской продуправы не было найдено ничего предосудительного, Временное правительство управу упразднило, передав ее функции городскому самоуправлению [7, с. 428]. Сама же комиссия, проведя с 3 августа по 23 сентября 12 заседаний, была упразднена С. Н. Прокоповичем [12, с. 23], сменившим Пешехонова на посту министра продовольствия. На пятой сессии Общегосударственного продовольственного комитета, проходившей в августовские дни в Аничковом дворце (там размещалось продовольственное министерство) была составлена декларация, внесенная от имени представителей Временного комитета Государственной Думы и ряда промышленно-торговых организаций, которая заявляла: «Хлебная монополия не внесла до сих пор существенных улучшений в продовольственное дело, да и в экономическое состояние страны в целом» [25]. Согласно этому документу, монополия отстранила от дела заготовок и распределения хлеба торговый аппарат, но не создала других работоспособных органов, и это привело к пагубной заминке [25] в решении продовольственного вопроса. Зато декларация ЦИК Советов признавала продовольственную политику правительства правильной.

25 августа Председатель Особого совещания по обороне П. Н. Пальчинский обратился к А. Ф. Керенскому с запиской, в которой главными причинами продовольственного кризиса назывались низкие твердые цены на хлеб и негодность продовольственного аппарата. Под этим давлением 27 августа правительство удвоило цены на хлеб, хотя ранее заверяло, что они останутся без изменений до 1918 г. [14, с. 136–137]. Это означало подрыв всей системы твердых цен, делало их крайне неустойчивыми и превращало в предмет сделок с заинтересованными кругами. Данное правительственное решение и вызвало отставку Пешехонова, пробывшего на министерском посту ровно три месяца.

Отстаивая свою политику твердых цен, Пешехонов повторял: «Когда родина гибнет, то классовые интересы, даже самые справедливые, не говоря уже о личной репутации, должны отойти на задний план» [21]. Однако личная репутация министра-народника от неудачного исхода запланированных им мероприятий не пострадала. Через два дня после отставки к нему домой приехал министр-председатель А. Ф. Керенский с просьбой вернуться в правительство, но встретил твердый отказ.

«Громадный ум, честный ум, ум, всегда доделывающий до конца логическую работу, побуждает А. В. не размениваться на мелочи, а брать большие вопросы и подходить к ним с какой-нибудь новой стороны» [15, с. 81], – вспоминал о Пешехонове симпатизировавший ему Д. А. Лутохин. Впрочем, ради объективности приведем звучащую диссонансом характеристику Пешехонова философом и писателем В. В. Розановым, который, очевидно, задетый отрицательным отношением Пешехонова к эстетике серебряного века, полемизировал с ним: «...У Пешехонова какой ум? Столоначальник, а не министр. Конечно, это не отнимает у него всех качеств человека... Пиши, писарь, – тебе не водить полки, но ты не украдешь и не дашь никому украсть» [26, с. 17].

А. Ф. Пешехонова вспоминала, что в бытность ее супруга министром «личная жизнь как-то совсем отошла на второй план» [3, д. 64, л. 41]. Рабочий день длился обычно с 9.30 утра до 2–3 часов ночи, поскольку правительственные совещания начинались, как правило, вечером и затягивались на долгое время. И еще один показательный факт, говорящий о материальном достатке его семьи в то время, опять же со слов А. Ф. Пешехоновой: «Хорошо запомнились мне слова шлиссельбуржца Г. А. Лопатина... Однажды, сидя за обеденным столом рядом с министром продовольствия, Г. А. сказал: “никогда я не едал у вас такого скудного обеда”» [3].

В целом оценивать министерскую деятельность Пешехонова следует не только по ее плодам, но и с учетом реальных условий ее протекания. В его пользу свидетельствует то, что продовольственное положение в стране при нем было относительно стабильным. Причины неудач продовольственной политики коренились не столько в его собственных просчетах, сколько в дезорганизации всего административного и хозяйственного аппарата страны, не выдержавшего испытаний войны и революции. Почти любые действия министра продовольствия в обстановке глубокого раскола общества на враждующие силы были обречены на непопулярность и противодействие.

Соратниками Пешехонова по партии и заместителями (товарищами) в министерстве были Александр Андреевич Титов (1878 – 1961) и Михаил Вильямович Беренштам (1872 – 1932). Оба они участвовали в возрождении партии народных социалистов весной 1917 г., входили в состав ЦК ТНСП (в июне народные социалисты объединились с трудовиками). Титов, выходец из богатой семьи, в ранние годы сочувствовал эсерам, но в 1906 г., когда образовалась партия народных социалистов, сразу вошел в нее и стал одним из активных деятелей. Титов получил блестящее образование и в 1911 г. получил степень доктора химии. В годы Первой мировой войны он состоял членом Главного комитета Всероссийского союза городов, организовал отдел снабжения армии лекарствами. Войдя в министерство продовольствия вместе с Пешехоновым в качестве его помощника, Титов возглавлял Управление по снабжению предметами первой необходимости, работал в техническом комитете, выступал за усиление государственного контроля над экономикой; после дезавуирования проекта сохранения твердых цен на хлеб вместе с Пешехоновым ушел с занимаемого поста.

М. В. Беренштам пришел в министерство позже – в конце июля. Юрист по образованию и роду деятельности, он был известен в профессиональных кругах, что обеспечило ему большое количество важной и напряженной работы в период от Февраля к Октябрю 1917 г. Юрист-народник был делегатом Совета офицерских депутатов, входил в состав его Исполнительного комитета; 26 апреля 1917 г. от данной организации он был назначен членом Особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству. С 10 мая 1917 г. Беренштам от партии народных социалистов вошел в состав Особого совещания для выработки проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» – нормативного документа, определявшего порядок всего выборного производства среди гражданского населения и военнослужащих армии и флота

[8, с. 331]. 14 мая 1917 г. М. В. Беренштам был назначен директором 2-го департамента Министерства юстиции (министром юстиции в тот момент был трудовик П. Н. Переверзев), однако 19 июля подал прошение об увольнении от занимаемой должности, которое было удовлетворено. А. А. Демьянов, близко знакомый с Беренштамом, характеризовал его как человека «до крайности самолюбивого, несколько избалованного вниманием к нему... товарищей» [10, с. 83], по натуре несколько грубоватого и дорожащего своим независимым положением [10, с. 83], жесткого в обращении с просителями и даже иногда коллегами. Дальнейшая работа Беренштама во Временном правительстве была связана с министерством продовольствия, где с 27 июля по 22 сентября он состоял в должности товарища министра [12, с. 25]. Его приход в министерство совпал с реорганизацией продовольственного аппарата, целью которой было преодолеть разрыв между продорганами в центре и на местах. Именно Беренштам возглавил Комиссию для обследования продовольственного дела в столице и ревизии деятельности городской управы, о которой говорилось выше. Беренштам подал в отставку спустя недолгое время после ухода с должности министра А. В. Пешехонова.

Без преувеличения, общероссийскую известность получил Александр Алексеевич Демьянов (1865 – 1925), один из основателей народно-социалистической партии. Демьянов сделал прекрасную юридическую карьеру и был известным земским деятелем. Не ограничиваясь сугубо профессиональными делами, он проявлял живой интерес к политике и, как только появилась возможность выступать от народно-социалистической партии на открытой арене, баллотировался и был избран депутатом II Государственной Думы, где руководил работой партийной фракции, работал в пяти комиссиях, в том числе комиссии о преобразовании местного суда. После роспуска II Думы, в условиях «третьеиюньской монархии» открытая деятельность социалистов в России была крайне затруднена, и к активной политической деятельности Демьянов вернулся с началом событий Февральской революции. Как и Пешехонов, он принял назначение Совета на должность комиссара Литейной части [10, с. 56]. Уже 8 марта он был назначен директором 2-го департамента Министерства юстиции Временного правительства – подразделения, ведавшего судебским корпусом. С 14 мая Демьянов являлся товарищем министра юстиции трудовика П. Н. Переверзева, заведовал гражданской частью работы министерства; с сентября занимал должность управляющего министерством, а фактически исполнял обязанности министра. Хотя с Переверзевым Демьянова связывали достаточно близкие товарищеские отношения, назначение Переверзева на министерский пост народный социалист считал неудачным решением. Политический единомышленник Демьянова А. С. Зарудный, принявший пост министра юстиции 24 июля, также неоднократно вызывал критические замечания с его стороны. Одним из важнейших вопросов, которые ожидали срочного законодательного решения, было требование неприкосновенности личности; но, с точки зрения Демьянова, ни Зарудный, ни даже Керенский не уделяли ему должного внимания. Демьянов настоял на создании особой комиссии по выработке соответствующего законопроекта и сам возглавил ее. В кратчайшие сроки он подготовил текст закона,

который, хотя и был признан удачным, так и не был пущен в ход [10, с. 100–101].

Тем временем возобновилась и партийная активность: с 22 июня 1917 г. Демьянов состоял в ЦК обновленной ТНСП, от которой выдвигал свою кандидатуру на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в четырех избирательных округах [8, с. 442], однако избран не был – народные социалисты вместе с трудовиками получили всего 4 места. В сентябре 1917 г. по заданию А. Ф. Керенского он стал автором проекта образования Временного совета Российской республики, известного как Предпарламент. С 25 сентября Демьянов – председатель Совещания товарищей министров (Малого Совета) Временного правительства. После захвата власти большевиками народный социалист принимал участие в работе подпольного Временного правительства, действовавшего около месяца. Демьянов характеризовал членов этого органа как «людей честных, одушевленных самыми лучшими намерениями, хорошо настроенных и, по-своему, умных» [9, с. 34], старавшихся все действия основывать на своем понимании общего блага, при этом лишенных эгоистических стремлений. Однако, по признанию самого Демьянова, противопоставить большевикам они ничего не могли, так как способны были критиковать, но не действовать, и не обладали волей и духом сопротивления, поэтому очень скоро были побеждены [9]. В январе 1918 г. Демьянов выехал из Петрограда на юг, затем, после нескольких лет жизни в Закавказье, оказался в эмиграции в Европе. Его перу принадлежат интересные воспоминания о периоде работы во Временном правительстве, о людях, с которыми ему приходилось взаимодействовать. Несмотря на тяжелую болезнь, А. А. Демьянов до самых последних дней своей жизни активно участвовал в работе пражской группы Трудовой народно-социалистической партии.

В период революционных событий 1917 г. получила государственное признание и профессиональная компетентность Александра Сергеевича Зарудного (1863 – 1934), сына деятеля судебной реформы 1864 г., тайного советника С. И. Зарудного. Для характеристики качеств А. С. Зарудного автор посвященного ему диссертационного исследования Ю. В. Варфоломеев приводит слова Я. Израэльсона, который, обращаясь к своему коллеге, сказал: «Вы всегда стояли в первых рядах борцов за право, вы всегда выступали в защиту угнетенных, обиженных и оскорбленных, – для Вас не существовало ни эллина, ни иудея, существовал только человек» [6]. Зарудный обладал прекрасными ораторскими данными и, служа в прокуратуре, как писал А. А. Демьянов, «был чрезвычайно неприятен защитникам, так как никогда не стремился к обвинению во что бы то ни стало» [10, с. 97], но, по словам В. А. Мякотина, своей манерой он добивался более строгого наказания, чем следовало, поскольку, расположив к себе искусными речами присяжных заседателей, мог получить от них все, что хотел [10]. Адвокатская карьера Зарудного также была блестящей: он всегда досконально знал материалы дела и учитывал не только факты, но и состав присяжных, и характер судей. Политические симпатии Зарудного принадлежали трудовикам, и таким образом летом 1917 г. он оказался в рядах объединенной ТНСП. Правда, А. А. Демьянов утверждал, что вступление Зарудного в политическую организацию было сопряжено

с необходимостью состоять в такой момент в одной из партий; по большому счету же ему было свойственно «верить только себе», а не следовать линии, намеченной другими людьми – и это был один из крупнейших недостатков его как политического деятеля [10]. Однако натура необыкновенно цельная, Зарудный заявлял, что, являясь членом партии, он подчиняется ее велениям беспрекословно [10, с. 98]. В марте по предложению А. Ф. Керенского, принявшего пост министра юстиции, Зарудный был назначен его товарищем (заместителем). Зарудного Керенский давно знал и очень любил, считая, по выражению Демьянова, «маленьким Львом Толстым» [10, с. 59], то есть человеком, имеющим свои твердые убеждения. По отзывам современников, Зарудный, при строгости и бескомпромиссности своей натуры, отличался и прекрасными человеческими качествами – высокой духовностью, сопереживанием и самопожертвованием [2]. Двоюродный брат Зарудного сравнивал его с Савонаролой; с этим сравнением склонны были согласиться и коллеги Зарудного, в том числе по Временному правительству. Между тем они признавали, что это был «до крайности добрый человек» [10, с. 98]. Товарищем министра Зарудный состоял до 6 июня; причиной оставления им должности можно считать разногласия с Керенским по поводу ряда бессудных арестов тех дней. В указанный период по инициативе Зарудного в министерстве юстиции была создана комиссия по пересмотру судебных уставов императора Александра II. Высоко ценивший эти документы, в составлении которых принимал участие его отец, Зарудный хотел систематизировать их, привести в соответствие со временем, однако масса материала требовала полной сосредоточенности на этой работе, что в условиях текущего исторического момента не представлялось возможным и крайне огорчало Зарудного.

С 25 июля по 1 сентября Зарудный находился на посту министра юстиции и генерал-прокурора. В этой должности ему довелось курировать следствие по делу большевиков, обвиненных в организации восстания и шпионаже в пользу Германии [8, с. 143]; он не только не санкционировал постановление на арест В. И. Ленина [6], но и способствовал освобождению из-под стражи его соратников – Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай и др. 9 августа за подписями А. Ф. Керенского и А. С. Зарудного вышло Постановление Временного правительства о назначении выборов во Всероссийское Учредительное собрание на 12 ноября 1917 г. Срок созыва Собрания устанавливался 28 ноября [4, д. 1022, л. 159].

По мнению подчиненных из министерства, А. С. Зарудный был чрезвычайно требователен, заставляя делать рутинную работу, может быть излишнюю в условиях тогдашнего цейтнота и шедшую в ущерб решению более важных и срочных вопросов [10, с. 98]. Старые товарищи были неприятно удивлены официальным тоном Зарудного, принятым им на новых ответственных должностях. Критика действий и характера отношений Зарудного с коллегами сводилась не только к его самоуверенности и категоричности, но и к некоторым конкретным шагам, которые он предпринимал или собирался предпринять на своем посту. Так, несвоевременной могла показаться его записка к проекту постановления Временного правительства, поданная по ходатайству председателей и прокуроров Петроградской и Московской судебных палат, об «усилении» *следственных*

частей и прокурорского надзора судебных палат и окружных судов обеих столиц [11]. Мера была нужной, поскольку следователи и прокуроры действительно были чрезвычайно перегружены работой, но, по большому счету, могла подождать. Еще одна из инициатив Зарудного как министра, встреченная, мягко говоря, с сомнением – намерение сделать правительство подотчетным Совету рабочих и солдатских депутатов для того, чтобы заручиться доверием со стороны крайних партий [10, с. 100]. Дело в том, что с самого момента создания революционного правительства не было решено, перед кем из органов народного представительства оно будет отчитываться; без такой ответственности легитимность правительства, основанная единственно на доверии, была уязвимой. Однако Совет на роль правительственного «куратора», с точки зрения большинства Временного правительства, не подходил, так как не был органом, представляющим все население страны и даже столицы, и ассоциировался с левыми партиями, среди которых на тот момент доминирующую роль уже играли большевики. Так же не нашло поддержки предложение Зарудного, высказанное на заседаниях Особого совещания по выработке проекта положения о выборах в Учредительное собрание, об увеличении состава Учредительного собрания вдвое (с 800 до 1600 депутатов [8, с. 260]): оппоненты сочли, что в данном случае «число» не гарантирует «умения» и количественная перегрузка форума лишь повредит эффективности его работы.

Непосредственно перед отставкой, 1 сентября 1917 г., А. С. Зарудный поставил свою подпись под Манифестом Временного правительства о провозглашении России республикой и создании Директории, которой передавалась вся полнота власти «для восстановления потрясенного государственного порядка» [11]. В отставку он решил уйти сам, без видимых поводов и сожалений, и намеревался оказывать помощь власти своим искусством публичного оратора. По оставлении министерской должности Зарудный принимал участие в работе Демократического совещания, в ходе которого призывал социалистов к коалиции с кадетами. От ТНСП Зарудный выдвигался кандидатом в Учредительное собрание, однако не был избран. К Октябрьскому перевороту Зарудный, в отличие от большинства соратников по партии, отнесся толерантно, даже пытался примирить народных социалистов с советской властью, но, увидев тщетность своих стараний, 3 апреля 1918 г. покинул партийные ряды и отошел от политики [8, с. 143]. В советский период он работал юрисконсультom Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, входил в Президиум коллегии адвокатов Ленинграда, занимался педагогической деятельностью и даже получил в 1933 г. персональную пенсию [11]. Хотя А. С. Зарудный не подвергся прямым преследованиям со стороны советской власти, но и признан ею по-настоящему «своим» он тоже не был, что доставило ему большое разочарование [6].

Заключение. Оценивая в целом деятельность представителей Трудовой народно-социалистической партии на правительственных постах весной-осенью 1917 г., можно назвать ее вполне конструктивной. Во-первых, политическое положение самой партии (умеренный, эволюционный социализм) позволяло самим присутствием ее членов в правительстве коалиционных составов некоторым образом примирять либералов и социали-

стов. Во-вторых, заслуживает уважения позиция партии в отношении Временного правительства как наиболее легитимного из органов революционной власти, и такой твердый государственный настрой избавлял народных социалистов от колебаний, кто для них важнее в период двоевластия. В-третьих, каждый из энесов в министерствах на своем месте был ответственен и компетентен. Другое дело, что объективная ситуация войны и революции со всеми сопутствующими проблемами социально-экономического и политического характера до крайности затрудняла их работу. Могли отрицательно сказаться на эффективности работы такие факторы, как дефицит опыта государственных управленцев и времени на его приобретение, особенно остро проявляющийся в ситуациях системного кризиса (каковая и была в России 1917 г.), сложные личные взаимоотношения между коллегами и т.п. Если сравнивать вклад в дело революционных преобразований министров – народных социалистов не с чисто профессиональной, а с политической точки зрения, то первенство – и это общепризнано – принадлежит А. В. Пешехонову как самому известному из них публичному политику. Однако и старания прочих умалить нельзя: все работавшие в правительстве энесы активно участвовали в проводимых партией кампаниях и мероприятиях, венцом которых должны были стать выборы во Всероссийское Учредительное собрание. Представители ТНСП на постах министров и товарищей (заместителей) министров самоотверженно отдавали свою энергию продвижению демократических начинаний в новой России сообразно своим представлениям об общественном прогрессе. В поражении этих начинаний народных социалистов в одиночку обвинять было бы несправедливо, хотя сами они впоследствии не снимали с себя ответственности за проигрыш большевикам, признавая в недостатке энергии, жесткости и воли к власти, а также отсутствии политической прозорливости.

Список литературы

1. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**. Ф. 4653. Оп. 1.
2. **ГАРФ**. Ф. 1783. Оп. 1.
3. **Научно-исследовательский отдел рукописей** Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 225. К. 1.
4. **Российский государственный исторический архив (РГИА)**. Ф. 1329. Оп. 1.
5. **Авдеев Н. Н.** Революция 1917 года (Хроника событий): в 2-х тт. Т. 1. М.-Пг: Гос. изд-во, 1923. 225 с.
6. **Варфоломеев Ю. В.** А. С. Зарудный – юрист и общественный деятель: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. 244 с.
7. **Волобуев П. В.** Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 482 с.
8. **Всероссийское Учредительное собрание**: энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
9. **Демьянов А. А.** Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции: в 22 т. Т. 7-8. М.: Терра: Политиздат, 1991. Т. 7, 334 с., Т. 8, 181 с.
10. **Демьянов А. А.** Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. В 22 т. Т. 4. М.: Терра: Политиздат, 1991. С. 55 – 120.
11. **Звягинцев А. Г.** Зарудный Александр Сергеевич (1863 – 1934), судебный деятель. URL: <https://law.wikireading.ru/46730> (дата обращения: 22.08.2021).

12. **Кузнецова О. Н.** Деятельность комиссии для обследования продовольственного дела в Петрограде в 1917 году // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 22 – 31.
13. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 32. Изд. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 620 с.
14. **Лозинский З.** Экономическая политика Временного правительства. Л.: Прибой, 1929. 203 с.
15. **Лутохин Д. А.** Зарубежные пастыри // Минувшее: исторический альманах. Т. 22. СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. 111 с.
16. **Милюков П. Н.** Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк: Chaldre, 1982. 397 с.
17. **Мякотин В. А.** Великий переворот и задачи момента. М.: Задруга, 1917. 16 с.
18. **Набоков В. Д.** Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М.: Terra, 1991. С. 5 – 96.
19. **Народный социалист.** 1917. 25 мая.
20. **Народный социалист.** 1917. 31 мая.
21. **Народный социалист.** 1917. 15 октября.
22. **Пешехонов А. В.** Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1 – 3. С. 303 – 330.
23. **Протасова О. Л.** А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
24. **Речь.** 1917. 20 июля.
25. **Речь.** 1917. 9 августа.
26. **Розанов В. В.** Уединенное. М.: Современник, 1991. 106 с.
27. **Церетели И. Г.** Воспоминания о Февральской революции. В 2-х кн. Кн. 1. Париж: Mouton, 1963. 492 с.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (GARF).], fund 4653, inventory 1. (In Russ.).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (GARF).], fund 1783, inventory 1. (In Russ.).
3. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB)* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RSL)], fund 225, K. 1. (In Russ.).
4. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archives (RGIA)], fund 1329, inventory 1. (In Russ.).
5. **Avdeyev N.N.** *Revolyutsiya 1917 goda (Khronika sobytiy)* [Revolution of 1917 (Chronicle of events)], in 2 vols., v. 1, Moscow-Petrograd: Gos. Izdatel'stvo, 1923, 225 p. (In Russ.).
6. **Varfolomeyev Yu.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Saratov, 2002. 244 p. (In Russ.).
7. **Volobuyev P.V.** *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Economic policy of the Provisional Government], Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 482 p. (In Russ.).
8. **Protasov L.G. (Comp.)** *Vserossiyskoye Uchreditel'noye sobraniye: entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: encyclopedia], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 555 p. (In Russ.).
9. **Dem'yanov A.A.** [Notes on the underground Provisional Government], *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution], In 22 vols. V. 7-8. Moscow: Terra: Politizdat, 1991. v. 7, 334 p., v. 8, 181 p. (In Russ.).
10. **Dem'yanov A.A.** [My service under the Provisional Government], *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution], In 22 vols., v. 4. Moscow: Terra: Politizdat, 1991, pp. 55 – 120. (In Russ.).

11. **Zvyagintsev A.G.** Zarudnyy Aleksandr Sergeevich (1863 – 1934), sudebnyy deyatel' [Zarudny Alexander Sergeevich (1863-1934), judicial figure], available at: <https://law.wikireading.ru/46730> (accessed 22 August 2021). (In Russ.).
12. **Kuznetsova O.N.** [Activities of the commission for the survey of food business in Petrograd in 1917], *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia], 2917, no. 4, pp. 22-31. (In Russ.).
13. **Lenin V.I.** Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works], Ed. 5, in 55 vols, v. 32. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969, 620 p. (In Russ.).
14. **Lozinskiy Z.** *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Economic policy of the Provisional Government], Leningrad: Priboy, 1929, 203 p. (In Russ.).
15. **Lutokhin D.A.** [Foreign shepherds], *Minuvshyeye: istoricheskiy al'manakh* [Past: historical almanac], v. 22. St. Petersburg: Atheneum-Feniks, 1997, 111 p. (In Russ.).
16. **Milyukov P.N.** *Vospominaniya gosudarstvennogo deyatelya* [Memoirs of a statesman]. New York: Chaldire, 1982, 397 p. (In Russ.).
17. **Myakotin V.A.** *Velikiy perevorot i zadachi momenta* [The Great Revolution and the Tasks of the Moment], Moscow: Zadruga, 1917, 16 p. (In Russ.).
18. **Nabokov V.D.** [Provisional government], *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian revolution], v. 1. Moscow: Terra, 1991, pp. 5-96. (In Russ.).
19. **Narodnyy sotsialist**, 1917, May, 25. (In Russ.).
20. **Narodnyy sotsialist**, 1917, May, 31. (In Russ.).
21. **Narodnyy sotsialist**, 1917. October, 15. (In Russ.).
22. **Peshkxonov A.V.** [Has the rule of the people failed?], *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth], 1918, no. 1-3, pp. 303-330. (In Russ.).
23. **Protasova O.L.** *A. V. Peshekhonov: Chelovek i epokha* [A. V. Peshekhonov: Man and the era], Moscow: ROSSPEN, 2004, 240 p. (In Russ.).
24. **Rech'**, 1917, July, 20. (In Russ.).
25. **Rech'**, 1917, August, 9. (In Russ.).
26. **Rozanov V.V.** *Uyedinennoye* [Solitary], Moscow: Sovremennik, 1991, 106 p. (In Russ.).
27. **Tsereteli I.G.** *Vospominaniya o Fevral'skoy revolyutsii* [Memories of the February Revolution], In 2 books, Book 1, Parizh: Mouton, 1963, 492 p. (In Russ.).

People's Socialists in the Interim Government (1917)

O. L. Protasova, *Cand. Sci. (History)*, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
olia.protasowa2011@yandex.ru

I. G. Pirozhkova, *Cand. Sci. (History)*, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
O_1_23456789@list.ru

The paper considers the activity of representatives of the Labor People's Socialist Party in the institutions of state power in Russia in the spring and autumn of 1917, primarily in the Provisional Government. The main directions of the work of the People's Socialists within the Ministries of Food and Justice are characterized. The attitude of Labor People's Socialist Party members to revolutionary changes in the country, interaction with colleagues – like-minded people and rivals is highlighted; attention is drawn to some aspects of interpersonal relationships of

participants in the revolutionary events of 1917, which previously remained in the shadows. A general description of the initiatives of People's Socialists at key state posts is given, the reasons for their successes and failures in the context of the socio-economic and political situation of that time are revealed. It is shown that from a professional point of view, the activity of Labor People's Socialist Party representatives in the executive branch deserves mainly a positive assessment, as it was characterized by energy, responsibility, competence and dedication.

Keywords: Labor People's Socialist Party; Provisional Government; Ministry of Food; Ministry of Justice; revolution.

© О. Л. Протасова, 2021

© И. Г. Пирожкова, 2021

Статья поступила в редакцию 28.08.2021

При цитировании использовать:

Протасова О. Л., Пирожкова И. Г. Народные социалисты во Временном правительстве (1917 г.) // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 91 – 109. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.091-109